

АСТРАХАНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ еженедѣльно по Воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой, равно и безъ пересылки и доставки, пять рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ квартирѣ ректора, въ г. Астрахани.

10 АПРѢЛЯ 1877 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Определеніе Святѣйшаго Синода отъ 28-го января—26-го февраля 1877 года, № 162, о выдачѣ правленіи духовныхъ училищъ воспитанникамъ, не окончившимъ курсъ 3-го класса, свидѣтельствъ о знаніи ими курса народныхъ училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложенное господиномъ Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, за № 524, сообщеніе главнаго штаба о томъ, чтобы правленія духовныхъ училищъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 мая 1876 г. временнаго списка учебнымъ заведеніямъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности, выдавали бывшимъ ученикамъ, не окончившимъ курса въ 3-мъ классѣ сихъ училищъ, удостовѣренія о знаніи тѣми воспитанниками, если они пробыли въ училищѣ не менѣе года, курса начальныхъ народныхъ училищъ. *Законъ.* Въ Высочайше утвержденномъ 29-го мая—10-го іюня 1876 г. временномъ списокѣ учебнымъ заведеніямъ, съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности, изложено: окончившимъ курсъ 3-го класса духовныхъ училищъ предоставляются права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 3-го разряда, не окончившимъ курса въ этомъ классѣ—права окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ 4-го разряда, при условіи пробыть въ училищѣ не менѣе года и получить отъ онаго свидѣтельство о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ. **П р и к а з а л и:** Объявить циркулярно по духовно-учебному вѣдомству чрезъ

„Церковный Вѣстникъ“, что правленія духовныхъ училищъ, на точномъ основаніи вышеупомянутаго Высочайше утвержденнаго списка учебнымъ заведеніямъ, должны, по прошеніямъ своихъ воспитанниковъ, не окончившихъ курса 3-го класса, по пробывшихъ въ училищѣ не менѣе года, выдавать имъ свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ народныхъ училищъ, на предметъ полученія таковыми воспитанниками, при поступленіи ихъ въ военную службу, правъ на льготы до отбыванію военной повинности наравнѣ съ окончившими курсъ въ заведеніяхъ 4-го разряда. („Црк. Вѣстн.“ № 12-й).

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Собесѣдованія съ молоканами-субботниками и евангеликами, происходившія въ 1876 г. въ Солонихинскомъ приходѣ Черноярскаго уѣзда.

Собесѣдованіе 1-е.

3-го октября. Православные, извѣщенные въ церкви о имѣющихъ начаться въ училищномъ домѣ собесѣдованіяхъ съ сектантами, собрались въ большомъ количествѣ; молоканъ—субботниковъ и евангеликовъ, по заранѣе данному приглашенію, явилось до 10-ти человекъ—мужчинъ. Послѣ молитвы: „Царю Небесный“, пропѣтой православными, и развѣщеній сектантовъ и некоторыхъ православныхъ по училищнымъ партамъ, настоятель приходской церкви объявилъ, что по распоряженію епархіальнаго Начальства и по лежащей на немъ пастырской обязанности, онъ находить нужнымъ и полезнымъ заняться по воскреснымъ днямъ собесѣдованіями съ отпадшими отъ св. Церкви, такъ называемыми молоканами, и предложилъ симъ послѣднимъ, для порядка правильнаго веденія собесѣдованій, избрать изъ среды себя болѣе опытныхъ и свѣдущихъ въ исавіи по 2 или по 3 человека отъ секты, на что они согласились и тотчасъ избрали субботники Семена Грачева и Агаопа Куракина, а воскресники-евангелики именующаго себя пресвитеромъ Тита Протопопова и Бориса Жолубова. Со стороны православныхъ приняли на себя защиту св. Церкви и обличеніе молоканскаго заблужденія, кромѣ священника—настоятеля мѣстной церкви, прихожане Семенъ Ивановъ и Тимофей Писцовъ. Затѣмъ священникъ сказалъ, что цѣль имѣющихъ происходить собесѣдованій та, чтобы при взаимно-мирныхъ и дружескихъ разсужденіяхъ и разъясненіяхъ, съ помощію Вождію, придти къ разумвѣнью и познанію единой, святой, богоугодной и спасительной вѣры, которую во всей полнотѣ и чистотѣ содержитъ православная Церковь, а отпадшіе отъ нея болѣе или менѣе затемнили эту вѣру, каковы воскресники, или совершенно утратили, каковы субботники.

На это субботники—Семенъ Грачевъ и Куракинъ—замѣтили, что петин-

нал вѣра заключается въ законѣ Божіемъ; кто поучается въ этомъ законѣ, тотъ пребываетъ въ истинѣ. Въ подтвержденіе словъ своихъ Куракинъ, вынудивши изъ запазухи псалтирь въ русскомъ переводѣ, сталъ читать: *Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу; откровеніе Господа вѣрно, умудряетъ простыхъ. Повелѣнія Господа праведны, веселятъ сердце; заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи.* (Псал. 18, 8, 9). Потомъ, отыскавъ псаломъ 118-й, прочиталъ стихи 105 и 142: *Слово Твое свѣтила мои; ноги мои и свѣтъ стези мои; правда Твоя—правда вѣчная и законъ Твой—истина.*

— А что вы разумѣете, спросилъ субботниковъ православный Семенъ Ивановъ, подѣ закономъ Божіимъ, о которомъ пророкъ говоритъ, что онъ есть истина?

Грачевъ. Все, что Господь Богъ заповѣдалъ намъ чрезъ вѣрнаго раба своего Моисея и другихъ пророковъ.

Ивановъ. Почему-же вы не принимаете закона Евангельскаго, даннаго намъ чрезъ Господа нашего І. Христа и Его св. Апостоловъ?

Грачевъ. Мы не вѣримъ ни Христу, ни Его Апостоламъ, и ученія ихъ не принимаемъ.

Подлинно,—замѣтилъ священникъ,—законъ святъ, непороченъ и истиненъ; но человѣкъ, желающій поучиться въ семъ законѣ, грѣшенъ, нечистъ и, по выраженію псалмопѣвца, есть *ложь* (Пс. 115 2.), а потому каждый изъ насъ, по простотѣ и неопытности, или по гордости и суетудрію своему, содѣлавшись орудіемъ духа лстиваго—отца вселкой лжи, можетъ затемнять, искажать и даже превращать истину въ ложь, и такимъ образомъ подѣ именемъ истины содержать пагубное заблужденіе. Пригѣрь тому на лицо: всѣ мы согласны въ томъ, что законъ Божій есть источникъ истины; но не приходимъ къ соглашенію, что нужно разумѣть подѣ закономъ Божіимъ и какъ нужно понимать его.—Субботники не хотятъ признавать за законъ Божій Богооткровеннаго евангельскаго и апостольскаго ученія, воскресенники хотя и принимаютъ все Богооткровенное ученіе, но расходятся съ православными при изъясненіи и пониманіи сего ученія. Какъ-же послѣ того узнать, на чьей сторонѣ истина и на какой—ложь и заблужденіе? И нѣтъ-ли въ самомъ законѣ Божіемъ прямого указанія на то, какъ избѣгать заблужденія и несогласно пребывать во истинѣ?

— Есть это указаніе, отвѣтилъ Семенъ Ивановъ. Господь основалъ на землѣ и устроилъ Церковь, которая, по слову Божію, есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15.) и которой, по словамъ Самаго Господа, *не могутъ одолѣть и врата адавы* (Матѣ. 16, 18). Этого столпа истины и нужно всегдѣ крѣпко держаться, чтобы не впасть въ заблужденіе.

— Подлинно такъ, подтвердилъ священникъ. Къ этому нужно еще при-

совокупить, что Господь, устроив на землѣ Церковь Свою, поставилъ въ ней священную власть, которой далъ право въ Своей Церкви учить, священнодѣйствовать и управлять ею. Противился этой власти Онъ строго запретилъ въ законѣ Своемъ какъ ветхаго, такъ и новаго заветовъ: *кто поступитъ такъ дерзко, что не послушаетъ священника, стоящаго тамъ на служеніи предъ Господомъ Богомъ твоимъ, сказано во Второзаконіи, тотъ долженъ умереть,— и такъ истреби зло отъ Израиля.* (Второз. 17, 12.). Приябрь такого строгаго наказанія можно видѣть на Коревъ, Даоанъ и Авиронъ, которыхъ, по повелѣнію Божию, земли поглотила живыми за неповиновеніе и противленіе Моисею и Аарону (Чис. 16). Съ прекращеніемъ ветхозавѣтной Церкви съ священствомъ по чину Ааронову и установленіемъ новозавѣтной съ священствомъ Христовымъ, власть первой во всей свѣтѣ перешла къ послѣдней: *Если и Церковь кто не послушаетъ; то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь,* говоритъ Самъ Господь въ св. Евангеліи. *Истинно говорю вамъ,* продолжаетъ Онъ говорить о священной церковной власти, *что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ; и что разрѣшите на землѣ, то будетъ разрѣшено на небѣ* (Матѣ. 18, 17—18). *Слушающій васъ,* учить Онъ о той-же власти въ другомъ мѣстѣ Евангелія, *Меня слушаетъ, а отвергающійся васъ Меня отвергается* (Лук. 10, 16). И угрожаетъ симъ послѣднимъ великимъ гнѣвомъ Божиимъ и наказаніемъ: *Если кто не приметъ васъ и не послушаетъ словъ вашихъ; то выходя изъ дома, или изъ города того, оттрясите прахъ отъ ногъ своихъ. Истинно говорю вамъ: отрадице будетъ земли Содомской и Гоморской въ день суда, нежели городу тому* (Матѣ. 10, 14—15).

— Это говорится съ Апостолахъ и о Церкви апостольской, а не о нашей Греко-Россійской, возразилъ именующій себя пресвитеромъ Титъ Протопоповъ.

— Не правда твоя, Титъ Никитичъ, замѣтилъ священникъ. Хотя І. Христосъ говорилъ и относился лично къ Апостоламъ; по обѣтованія Его о Церкви и всѣ повелѣнія и распоряженія Его касательно учительства, священнослуженія и управленія Церковію относятся не къ однимъ Апостоламъ лично и апостольскому времени, но ко всѣмъ временамъ и ко всѣмъ преемникамъ Апостольскимъ — пастырямъ и учителямъ Церкви. Это, между прочимъ, можно видѣть изъ заповѣди нашего Господа, данной Апостоламъ, чтобъ они шли съ Евангельскою проповѣдью по всему міру и ко всѣмъ народамъ, научая и крестя ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа. Но Апостолы лично не могли исполнить буквально этой заповѣди, а ее исполняли, исполняютъ и будутъ исполнять преемники апостольскіе — пастыри и учителя Церкви. Также самое нужно разумѣть и объ обѣтованіи Господа пребывать съ Апостолами до скончанія вѣка. (Матѣ. 28, 19—20). Кромѣ того, сами Апостолы засвидѣтель-

ествовали, что власть, данная имъ въ Церкви Самимъ Господомъ, принадлежитъ не имъ однимъ лично, но и всѣмъ ихъ преемникамъ. Такъ, говоря о власти пастырской или управленіи Церковію, св. Апостоль Павелъ научаетъ своихъ преемниковъ—пресвитеровъ Ефесской церкви: *Внимайте себѣ и всему стаду, въ которомъ Духъ Святой поставилъ васъ блюстителями, пастыи Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею.* (Дѣян. 20, 28). Говоря объ учительской и священно-служительской власти, тотъ-же Апостоль пишетъ къ епископу Тимоею: *Проповѣдуй слово, стой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщывай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ... Совершай дѣло благовѣстника, исполняй служеніе твое.* (2 Тим. 4, 2. 5.). *Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ людей, за царей и за всѣхъ правящихъ...* (1 Тим. 2, 1—2.). Приведенныя мѣста св. писанія подтверждаютъ выше мною сказанное, что власть въ Церкви, данная І. Христомъ Апостоламъ, относится и къ преемникамъ ихъ—пастырямъ и учителямъ Церкви. Слѣдовательно, и послушаніе и повиновеніе симъ послѣднимъ нужно оказывать какъ-бы самимъ Апостоламъ. Этому послушанію и научаетъ насъ св. Апостоль, когда пишетъ: *Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны: ибо они неуспынно некутся о душахъ вашихъ, какъ обязанные дать отчетъ; чтобы они дѣлали сіе съ радостію, а не воздыхая: ибо это для васъ не полезно.* (Евр. 13, 17.).

Протопоповъ. А если сами пастыри и наставники заблудятся и стануть проповѣдывать не Апостольское ученіе, а по преданію человѣческому; то какъ же можно слушаться и повиноваться имъ?

Священникъ. Такого мнѣнія о пастыряхъ Церкви допускать никакъ нельзя: Самъ Господь нашъ І. Христосъ далъ обѣтованіе пребывать съ ними до скончанія вѣка и сохранять Церковь Свою неодолимою всею силою ада. Слѣдовательно, мнѣніе ваше о пастыряхъ Церкви, Титъ Никитичъ, не согласно съ словомъ Божиимъ и противорѣчитъ обѣтованію Божію о св. Церкви и ея пастыряхъ.

Протопоповъ. А какъ-же Апостоль сказалъ о пресвитерахъ, что изъ нихъ самихъ *встанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою* (Дѣян. 20, 30.)?

Священникъ. Апостоль не сказалъ, что всѣ они, пресвитеры, нѣкогда впадутъ въ заблужденіе и будутъ говорить превратно; но только нѣкоторые ихъ нихъ, что и исполнилось и исполняется въ лицѣ нѣкоторыхъ пастырей, осужденныхъ св. Церковію на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ. Подобное нѣчто І. Христомъ было сказано и о самихъ Апостолахъ: *вы чисты, но не всѣ.* Или: *истинно, истинно говорю вамъ, что одинъ изъ васъ предастъ Меня* (Іоан. 13, 10 и 21). Какъ печенота и предательство

апостола Иуды не могли поколебать Церкви Христовой и не могли имѣть вліянія на чистоту прочихъ Апостоловъ; такъ точно заблужденіе и превратное ученіе нѣкоторыхъ изъ пастырей не имѣютъ вліянія на чистоту и вѣрность прочихъ пастырей и учителей Церкви и на ея святость и непоколебимость: она всегда была есть и пребудетъ до скончанія вѣка *столпомъ и утвержденіемъ истины* и непреодолимою всею силою ада: *Я создалъ Церковь Мою*, говоритъ Самъ Господь, *и врата ада неодолятъ ея.* (Матѣ. 16, 18.). Впрочемъ, заключилъ священникъ, обращающій къ сектантамъ, вы сами можете увидѣть и убѣдиться, на сколько чиста и непорочна эта невѣста Христова—св. православная Церковь, отъ которой вы по невѣдѣнію отдѣлились, если только безпристрастно и по чистой совѣсти, какъ-бы предъ лицемъ сердцевѣдца Бога, будете слушать и внимать послѣдующимъ нашимъ собесѣдованіямъ съ вами. Въ будущее воскресенье будетъ разсматриваемо Богооткровенное ученіе о св. Троицѣ или о единствѣ существа *Вожія* и троичности Его въ лицахъ, каковое ученіе отвергается суботниками.

Собесѣдованіе закончилось прѣніемъ православныхъ „Достойно есть“...

(Окончаніе будетъ).

Воспоминанія о Высокопреосвященномъ Аѳанасіѣ, покойномъ Архіепіскопѣ Астраханскомъ и Енотаевскомъ.

Очень интересная статья подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ ЛМ 18—22 „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ за текущій годъ. Хотя воспоминанія о покойномъ Владыкѣ относятся только къ служебной дѣятельности его на должности ректора и профессора богословскихъ наукъ въ Костромской духовной семинаріи, съ іюня 1829 по конецъ 1836 года; но для Астраханской епархіи дороги,—мы твердо убѣждены въ томъ,—и такія свѣдѣнія о добромъ и незабвенномъ ея Архипастырѣ, которыя характеризуютъ его, какъ замѣчательнаго дѣятеля на иномъ служебномъ поприщѣ—разсадникѣ (Seminarium) живыхъ дѣтрослей духовнаго просвѣщенія и образованія,—тѣмъ болѣе, что авторъ (П. В. П.) настоящей статьи, по его словамъ, „зналъ покойнаго Владыку очень близко и притомъ не малое число лѣтъ; былъ его ученикомъ и подчиненнымъ“. Это время, притомъ, авторъ, „не обинуясь“, называетъ „свѣтлою эпохою жизни“ покойнаго преосвященнаго. „Надѣюсь“, говоритъ онъ, „что и другіе, знавшіе архимандрита Аѳанасія (въ Костромѣ), смотрять на его дѣятельность точно также, какъ и я. Онъ памятенъ всемію, воспитывавшимся въ Костромской семинаріи въ продолженіи упомянутыхъ 7-ми лѣтъ“.— Поэтому мы сочли далеко не излишнимъ для нашихъ читателей извлечь изъ

этой статьи то, что, по нашему мнѣнію, особенно характеристично обрисовываетъ свѣтлую личность покойнаго Преосвященнаго Архіепископа Астраханскаго Афанасія и имѣетъ, кромѣ того, болѣе общій интересъ..

Редакторъ „Астрах. Епарх. Вѣдом.“.

.....Естественно, что при поступленіи (въ Костромск. семинарію) новаго ректора (27-ми лѣтъ) глаза всѣхъ обратились прежде всего на самую особу его. Въ счастію, внѣшній видъ о. Афанасія былъ прекрасенъ и привлекателенъ. Лицо его, блѣлое и довольно полное, но не красное, не носило даже и признаковъ аскетизма, такъ часто напускнаго. Онъ имѣлъ орлиный носъ, а волосы отъ природы вились мелкими кудрями. Клубокъ онъ носилъ высоко надъ бровями. Живость движеній указывала человѣка нервнаго, пылкаго. Добавимъ еще, что онъ носилъ по закону черную шелковую рясу, но подрясникъ всегда краснаго, розоваго или лиловаго цвѣта. Для обыкновенныхъ-же прогулокъ по монастырю или саду, онъ не надѣвалъ никогда ни рясы, ни клобука, а ходилъ просто въ подрясникъ, въ бархатной фіолетовой камлавкѣ и непремѣнно съ тростию.

Въ сравненіи съ прежними начальниками семинаріи, онъ своею внѣшностію и обращеніемъ съ семинаристами выигрывалъ чрезвычайно много. Бывало, какъ только покажется въ монастырѣ ректоръ,—ученики всѣ въ разсыпную отъ него. Новый ректоръ напротивъ любилъ, чтобы ученики окружали его и въ рекреационныя часы предавались забавамъ на его глазахъ, о чемъ мы подробнѣе скажемъ далѣе.

Научный уровень стоялъ въ Костромской семинаріи очень не высоко. Были 2—3 способные наставники... Всѣ другіе были—сухая посредственность, а нѣкоторые и положительная бездарность и лѣнь. Потому-ли, что ректоръ видѣлъ такой составъ наставниковъ, или по своей живости, можно сказать выпучести—но только самъ онъ несъ наибольшую часть трудовъ по преподаванію. Вотъ методъ его ученія: въ классъ онъ входилъ ежедневно почти со звономъ и занимался не только свои 2 часа, но нерѣдко прихватывалъ и слѣдующіе два у бездарнаго и бесполезнѣйшаго наставника греческаго языка. Сначала дѣлалась провѣрка—усвоенъ ли учениками предъидущій урокъ, на что употреблялось около $\frac{1}{2}$ часа времени; затѣмъ протолковывался урокъ на слѣдующій день. Въ наше время богословіе, философія и даже словесность,

т. е. всё главные предметы, изучались на латинскомъ языкѣ. Какимъ авторамъ слѣдовалъ ректоръ въ преподаваніи основнаго и догматическаго богословія—намъ неизвѣстно. Мы видѣли, знали и слушали ректора; онъ былъ для насъ органомъ богословскихъ наукъ, былъ для насъ все. Слабымъ ученикамъ, какими по преимуществу оказывались нѣвѣчіе, уроки переводились съ латинскаго языка на русскій однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Перевести кратко параграфъ или два, ректоръ начиналъ перефразировать и разъяснять содержаніе прочитанныхъ параграфовъ. Импровизація его была блистательна, увлекательна, почему мы буквально висѣли на его словахъ и ни одно изъ нихъ не ускользало отъ нашего вниманія. При томъ и самое содержаніе уроковъ по основному богословію было для насъ весьма интересно и совершенною новостью. Ректоръ былъ въ то время умъ свѣтлый. Онъ нисколько не опасался поселить въ нашихъ умахъ какія-либо сомнѣнія или колебанія и говоря поэтому о такъ называемой естественной религіи, онъ притирывалъ намъ много изреченій, какъ древнихъ, такъ и новыхъ философовъ, преслѣдуя ихъ весьма основательною критикою... Въ 10-ть часовъ утра лекція кончалась, и все, что говорилъ намъ ректоръ, мы были обязаны приготовить къ слѣдующему дню, изложивъ кратко и свободно лекцію на бумагѣ. Буквальныхъ устныхъ отвѣтовъ онъ не требовалъ; напротивъ, онъ всемѣрно старался, чтобы ученики пересказывали ему уроки, не стѣсняясь тетрадью. Конечно, это свободное пересказыванье на латинскомъ языкѣ не всёгдѣ было подѣ силу. Были ученики слабые, худо знавшіе латинскій языкъ, но для таковыхъ аудиторъ изъ лучшихъ учениковъ долженъ былъ, какъ упомянуто выше, предварительно переводить на русскій языкъ. За новоустроенными столами помѣщалось не болѣе одного аудиторства, 6 человекъ за каждымъ, такъ, что за первымъ столомъ сидѣлъ первый ученикъ съ самыми слабыми товарищами. Кроме уроковъ по богословію, ректоръ занимался еще толкованіемъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Предметъ этотъ былъ очень важенъ, но къ несчастію для него не полагалось ни особаго наставника, ни особыхъ часовъ. Ректоръ Аѳанасій, какъ бывшій бакалавръ еврейскаго языка и священнаго писанія, весьма основательно изучилъ этотъ послѣдній предметъ еще въ духовной академіи. Въ началѣ каждаго учебнаго года обыкновенно дѣлалось росписаніе главъ Ветхаго и Новаго завѣта по числу учениковъ. Особенно же вниманіе онъ обращалъ на уразумѣніе посланій апостола Павла изъ Новаго и на книгу пророка Исаіи изъ Ветхаго завѣта. Толкованіе уче-

ники должны были дѣлать по подлинникамъ, греческому и еврейскому. Послѣ окончанія богословскихъ лекцій ректоръ обыкновенно занимался выслушиваніемъ и исправленіемъ ученическихъ толкованій. Славянскій текстъ, послѣ объясненія, мы должны были заучивать наизусть съ печатною точностію. Читатель видитъ необходимость, въ которую ректоръ поставлялся, отнимать часы у другаго наставника. Случалось, что ректоръ, начавъ занятія въ 8-мь часовъ утра, оканчивалъ ихъ только въ 12¹/₂ ч., т. е. просиживалъ въ классѣ еще полчаса послѣ положеннаго закономъ учебнаго времени. Но онъ былъ неутомимъ, и чѣмъ далѣе шель урокъ, тѣмъ онъ все болѣе воодушевлялся, доходя иногда до совершеннаго лиризма. Наше вниманіе, лучшихъ учениковъ по-крайней-мѣрѣ, нисколько не ослабѣвало. Мы прозвали нашего ректора „орломъ“ и „соловьемъ“. Но для мало даровитыхъ или склонныхъ къ разсѣянности учениковъ, наука выходила сокомъ, такъ-какъ ученики писали еще и проповѣди, которыми ректоръ занимался также очень тщательно, и такъ называемыя „разсужденія“ на разныхъ богословскія темы. Ректоръ былъ довѣрчивъ къ наставникамъ и безъ особенной пужды не ходилъ къ нимъ въ классы, да и некогда было, какъ самъ читатель видитъ. Но иногда, во время болѣзни наставника напримѣръ, онъ ходилъ самъ замѣнять его и — горе этому наставнику. Ученики совершенно разочаровывались въ немъ, послушавши ректора. Разъ онъ былъ вынужденъ не только ходить на каждый классъ еврейскаго языка, но даже и преподавать его. Наставникъ былъ чрезвычайно слабъ по своему предмету и, кромѣ того, занимался въ классѣ не столько своимъ предметомъ, сколько скандальными анекдотами и происшествіями. Придя однажды въ классъ и разогнувъ еврейскую христоматию, онъ вытащилъ изъ кармана письмо одного изъ нашихъ товарищей, сватавагося къ его родственницѣ (профессору былъ костромичъ). Она не понравилась жениху и поэтому онъ написалъ отказъ. Но въ то время какъ наставникъ увлекся заглазными обличеніями жениха, позабывъ даже и псаломъ и стихъ, на которомъ остановился въ предъидущій классъ, вдругъ съ шумомъ отворились обѣ половинки двери изъ маленькой ученической бібліотеки и вошелъ ректоръ. „Чѣмъ вы занимаетесь И. Д.“? — „Псалмами Давида-съ“, — былъ отвѣтъ. — „Продолжайте“. Но съ чего начать: ни ученики, ни самъ профессоръ не знаютъ. Въ классѣ, изъ 70 учениковъ, оказалось только 5 (какъ теперь помню: я, Соколовъ, Ювенскій, Вѣлоруссовъ и кажется Николаевской, нынѣшній Енисейскій епископъ Антоній). Хотя это были лучшіе

ученики, но оказалось, что никто изъ насъ ничего порядочно не знаетъ. Ректоръ не накинудся на наставника, а обратился къ намъ и сказалъ: „Дѣти! Мнѣ очень прискорбно, что еврейскій языкъ доведенъ до такой степени упадка, тогда какъ прежде его знали въ здѣшней семинаріи очень хорошо“. Оставляя классъ, ректоръ въ заключеніе сказалъ намъ и наставнику: „я буду ходить къ вамъ отнынѣ на каждый урокъ“. Само собою разумѣется, что въ слѣдующій классъ явились всѣ 70-ть учениковъ, и ректоръ началъ учить насъ съ „аза“ по какой-то упрощенной грамматикѣ, имъ самимъ составленной еще въ бытность бакалавромъ. Быстро пошло дѣло впередъ. Въ первый классъ ректоръ научилъ насъ читать, затѣмъ уроки 2 и 3 употребилъ на этимологію языка, наглядно и очень ясно растолковалъ образованіе временъ черезъ приращеніе мѣстоименій. Все намъ показалось очень просто. Установивъ такимъ образомъ методъ и пріемъ преподаванія, ректоръ, обращаясь къ наставнику, сказалъ: „Ну, И. Д.,—теперь продолжайте сами, у меня есть другія дѣти—нельзя и ихъ оставить безъ вниманія. А, впрочемъ, я буду заглядывать къ вамъ почаще и, во всякомъ случаѣ, буду близко отъ васъ“, и, указавъ на бібліотеку, вышелъ.

Жаль, невыносимо жаль, что этотъ прекрасный наставникъ-ректоръ не окончилъ съ нами курса. Ученики прежнихъ полныхъ выпусковъ приобрѣтали подъ его руководствомъ не только основательныя познанія по всѣмъ частямъ богословія, но и довольно обширныя въ священномъ писаніи. Впродолженіи двухъ лѣтъ онъ успѣвалъ познакомить ихъ и съ русскимъ расколомъ, и протолковать всѣ посланія апостола Павла и другія болѣе замѣчательныя или трудныя мѣста какъ Новаго, такъ и Вѣтхаго Завета. А, главное, онъ пробуждалъ въ ученикахъ такую любовь къ самообразованію, что многіе изъ нихъ и по поступленіи въ священники продолжали учиться. Разказываютъ, что ученикъ Александръ Невскій, слѣвавшій священникомъ, запасся толкованіемъ на Исаію Витринга, да какимъ-то еще толкованіемъ на Апокалипсисъ и, идя на службу, бралъ какой нибудь фоліантъ съ собою и читалъ среди работъ.

Экзамены, особенно третые, отецъ Аванасій дѣлалъ крайне поверхностно, спрашивал не болѣе какъ пятого, а иногда и десятого ученика. Но эти экзамены были для насъ чрезвычайно полезны, потому что они давали ректору случай учить насъ и указывать наставникамъ лучшіе методы преподаванія. Будучи энциклопедистомъ, онъ очень хорошо зналъ всѣ предметы и языки, преподававшіеся въ семинаріи. Придя, напримѣръ, на экзаменъ изъ всеобщей и русской исторіи, которую преподавалъ все тотъ-же бездарный И. Д., ректоръ не столько слушалъ насъ, сколько сообщалъ намъ историческія событія и грамматическія правила.

Весьма много ректоръ способствовалъ развитію семинаристовъ тѣми удовольствіями и развлеченіями, которыя или прямо дозволялись законамъ въ

рекреационное время, или которыми мы уже прямо обязаны были снисходительности ректора и его простому, отеческому обхождению съ нами. Выше и сказать, что ректоръ любилъ окружать себя семинаристами; онъ работалъ съ ними, то утрамбовывая дорожки въ саду, то разводя новый садъ въ передней части монастыря (этотъ садъ, впрочемъ, не удался). Семинаристы ближались съ ректоромъ особенно въ такъ называемыя рекреации. Известно, что крепкій уставъ назначалъ три дня въ маѣ мѣсяцъ на отдыхъ семинаристамъ и на невинныя удовольствія. При суровыхъ предшественникахъ Аонасія, эти игры и удовольствія были крайне стѣснительны для семинаристовъ. Скажу здѣсь и о тѣхъ обрядахъ, съ которыми выпрашивалась рекреация у отца ректора. Наканунѣ 1, 15 и 31 мая ученики, не только казенные, но и квартирные (иначе своекоштные), послѣ ужина, часовъ въ восемь или девять, собиравшись въ монастырь, стояли, замѣтимо, въ самой срединѣ города, передъ квартирою ректора, и начинали пѣть: „Reverendissime domine pater Rector“ и т. д. Если ректоръ не выходилъ на балконъ, то повторяли эту кантату. Ректоръ Аонасій на первый-же разъ изумилъ насъ слѣдующею выходкою: когда мы пропѣли одинъ „Reverendissime“ низкимъ тономъ, онъ не показавшись на балконъ. Взяли тономъ повыше—результатъ тотъ-же. Поднялись до полной октавы—тотъ-же результатъ. Спустились на восемь нотъ и стали снова подниматься, а между тѣмъ примѣтили красный подрясникъ въ саду. Такимъ образомъ мы повторили нашу латинскую просьбу до двадцати разъ. Наконецъ ректоръ появился на балконѣ и сказалъ: „тоже, но по гречески“. Черезъ четверть часа готова была греческая просьба, но ее пѣли уже не 300, а не болѣе пятидесяти голосовъ. Ректоръ опять появился на балконѣ и сказалъ: „по еврейски“! Черезъ 10 минутъ нѣсколко специалистовъ запѣли: „Гадоль, гадоль, абену“ и проч. И этого мало: „по нѣмецки“, за нѣмецкою „по французки“. Наконецъ онъ благословилъ насъ гулять и веселиться на Запруднѣ (мѣсто старой семинарии за городомъ), обѣщавъ непременно пріѣхать туда.

Хочется также сказать и о томъ, какъ мы, праздновали эту первую рекреацию. Костромская аристократія очень любила новаго ректора за его блестящія таланты и пріятность въ обращеніи. Поэтому, услышавъ о рекреации, испрошенной на разныхъ языкахъ, множество господъ и барынь пріѣхали на Запрудны. Въ четыре часа прибылъ ректоръ. Два хора пѣвчихъ стояли на другомъ берегу рѣчки Запрудни, черезъ которую былъ перевозъ, но не для экипажей. Въ то время какъ ректоръ плылъ на паромъ, первый хоръ запѣлъ: „Трляди къ намъ, ангелъ омыданный“, второй хоръ подхватилъ слѣдующій куплетъ и т. д. Когда ректоръ, наставники и гости размѣстились на развалинахъ прежней семинарии, начались удовольствія. Сначала читали стихи, говорили діалоги, а избранные артисты играли отрывками: „Казака-стихотворца“ и проч., не упомяну что, Затѣмъ играли въ мячъ, городки и дру-

ня игры. Явилось много замѣчательныхъ талантовъ въ сценическомъ искусствѣ. Во все это время пѣвчіе пѣли, но не концерты, а разные героическіе и патріотическіе канты: „Громъ побѣды раздавайся“, „Ура, Шаскевичъ Эриванскій!“ и тому под. Нашелся и свой семинарскій оркестръ, состоявшій исключительно изъ скрипокъ. Часовъ въ семь ректоръ и гости уѣзжали, а наставники и ученики оставались часовъ до девяти и возвращались въ городъ стройными рядами въ предшествіи музыкантовъ, оглашая воздухъ патріотическими пѣснями. Впрочемъ пресвященный, а скорѣе жагдармскій штабъ-офицеръ, едѣлавъ ректору замѣчаніе за столь шумное поведеніе семинаристовъ; только ректоръ сталъ праздновать рекреации въ стѣнахъ монастыря, въ тѣсномъ кружкѣ наставниковъ и воспитанниковъ. За то онъ сталъ давать намъ не по три, а по семи рекреаций, а игры и удовольствія едѣлались гораздо разнообразнѣе. Напримѣръ: стали играть комедіи фонъ-Визина, но безъ женскихъ ролей и пьесы въ родѣ „Ямъ или почтовая станція“. Явились, кромѣ постоянныхъ семинарскихъ пѣвчихъ, два хора вольныхъ пѣвцовъ, которые пруморительнымъ образомъ пѣли на два хора „Океія, исю, варіа“, „Дай же ты, Воже, лѣто прекрасное“ и проч. Ректоръ съ наставниками помѣщался обыкновенно на огромномъ балконѣ съ навѣсомъ, понивал чаекъ и помиралъ со смѣху, смотря на забавы учениковъ, часто очень смѣхотворныя. Явилось очень много талантовъ въ этомъ родѣ. Напримѣръ, когда вольные пѣвцы запоютъ „Грибъ бороникъ всѣмъ грибамъ полковникъ“, обыкновенно изъ толпы отдѣлялся одинъ ученикъ съ крайне смѣшкою физиономіею и садился подѣ лину. Другой смѣхотворъ, съ коробкой на снпѣ, показывалъ раскѣ, то есть разныя картины: видѣ Кремля изъ-за Каменнаго моста и т. п..

Говорили, что ректоръ слишкомъ пристращался къ хорошенькимъ личикамъ и ихъ только называлъ „матушками“. Это совершенная неправда. Ректоръ дѣйствительно имѣлъ какія-то непонятныя увлеченія учениками, но только тѣми, которые обнаруживали какіе нибудь особенные таланты. Развѣ ученики Василій Назаровъ или Зарабекскій красивы были?—а ректоръ называлъ ихъ матушками и по имени и отчеству за то, что первый прекрасно читалъ въ церкви, а второй отличался необыкновеннымъ комизмомъ въ такихъ пьесахъ, какъ „Филатка и Мирошка“. Развѣ красивы были все пѣвчіе, а между тѣмъ ректоръ постоянно называлъ большихъ по имени и отчеству, а маленькихъ „матушками“ и „пузырями“. Въ Костромѣ еще помнятъ октаву Герасима Нагорова—красивъ онъ былъ съ своимъ широкимъ носомъ и скулами, которые еще изукрашены были золотушными глазами?—а между тѣмъ ректоръ называлъ его „Герасимъ Федорычъ“ и „другъ мой“ и чрезвычайно любилъ его. Притомъ ректоръ, сблизяясь съ нѣкоторыми учениками, имѣлъ при этомъ высочія, благородныя цѣли. Какъ человекъ весьма проникательный, онъ часто замѣчалъ хорошія дарованія въ ученикѣ, но подавленнымъ лѣнностію, невниманіемъ и даже дурнымъ поведеніемъ. Товарищи видятъ, что

ректоръ начинаеть такого ученика приближать къ себѣ, т. е. по-часть при- зывать къ себѣ, удостоивать разныхъ порученій и даже поить чаемъ. Что за притча?— думаютъ ученики, а дѣло вотъ въ чемъ. Ученикъ, вида такое вниманіе къ себѣ ректора, начинаеть и учиться и вести себя очень хорошо. Вышеупомянутый Зарайскій (ученикъ выпуска 1834 года) былъ ужа- сный дѣлшій: въ среднемъ отдѣленіи онъ сжегъ свои корабли и готовился къ исключенію; тогда какъ товарищи его готовились къ окончательному эк- замену, онъ обыкновенно сидѣлъ у раствореннаго окна и пѣлъ: „Пошелъ ко- зель по воду, пашель мѣшокъ солоду“. Но такъ какъ на одной изъ рек- рецій ректоръ замѣтилъ, что Зарайскій отличается необыкновеннымъ томо- ромъ (вспомнимъ его роль „Филатки“), то онъ и началъ приближать этого Филатку къ себѣ и этотъ Филатушка прѣблагополучно кончилъ курсъ въ 1834 году и сдѣлался сельскимъ священникомъ. Въ числѣ моихъ товарищей (вы- пуска 1838 года) былъ ученикъ Павелъ Ивановичъ Добровольскій, юноша съ прекраснѣйшими способностями, но вѣсть съ тѣмъ прелѣнный и невни- мательный. Ректоръ приблизилъ его къ себѣ и разъ при всемъ классѣ ска- залъ ему: „Смотри, Добровольскій, я на тебя обращаю вниманіе“. Такъ какъ этотъ Добровольскій былъ очень бѣдный ученикъ и въ трескучіе морозы хо- дилъ, т. е.— собственно говори — бѣгалъ, въ семинарію, въ двухъ панковыхъ сибиркахъ, то ректоръ поилъ его горячимъ чаемъ и кажется на свои день- ги шилъ чуйку на ватѣ. Этого было достаточно, чтобы Добровольскій всталъ на ноги и сдѣлался отличнѣмъ ученикомъ.

Что касается нравственной стороны жизни семинаристовъ, то ректоръ Ава- нисій не любилъ гнуть ее подъ разныя инструкціи: кромѣ печатнаго семинар- скаго устава, которымъ онъ однако-же не очень стѣснялся, и классныхъ журна- ловъ, въ которыхъ отмѣчалось, чѣмъ занимался и какъ вела себя ученики — не было ничего болѣе. Къ розгамъ, сколько помню, ректоръ прибѣгалъ толь- ко въ особыхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ. Онъ только иногда грозилъ розгой и даже призывалъ служителей, но мерзость этого процесса была для него, вѣроятно, невыносима, и онъ отсылалъ и плачущаго виновнаго и събѣра. Пи- шущій эти строки знаетъ все это по собственному опыту. Разъ ученики выс- шаго отдѣленія выпуска 1832 года сдѣлали заговоръ не учить урока по богословію къ слѣдующему дню за то, что ректоръ не далъ рекреации 1 мая, отложивъ ее на второе, на которое падалъ день его ангела. Заводчикомъ этого дѣла былъ ученикъ Евгеній Голубинскій (родной братъ профессора Мо- сковской академіи, протоіерея Ѳедора Александровича Голубинскаго), человекъ съ атлетическаго сложенія и чуть не въ косую сажень ростомъ. Когда ректоръ, 3-го числа, придя въ классъ, убѣдился, что ученики сговорились не отвѣчать ему урока, то онъ вышелъ изъ себя и убѣждалъ. Затѣмъ позвалъ кучу сто- рожей и штатныхъ служителей съ розгами, а также пригласилъ пять первыхъ учениковъ и Голубинскаго, имѣя, можетъ быть, твердое намѣреніе высѣчь по-

сдѣднаго. Въ счастію, силачь Голубинскій раскидалъ всѣхъ сторожей, сломалъ задвижку у дверей и ушелъ въ классъ. Ректоръ цѣлыя двѣ недѣли не ходилъ въ классъ, потомъ дулся на богослововъ еще двѣ недѣли, но тѣмъ дѣло и кончилось....

Ректоръ Аѳанасій тотчасъ по поступленіи на должность въ Кострому, посѣтилъ и училища, и потому-ли, что усмотрѣлъ въ нихъ великія неустройства, или потому, что любилъ окружать себя дѣтьми—по только посѣщалъ училища каждую недѣлю, проводя тамъ не менѣе двухъ часовъ, указывая учителямъ надлежащія приемы преподаванія языковъ. Напримѣръ, когда дѣло касалось морскихъ или сухопутныхъ сраженій между разными народами древности, онъ объяснялъ, гдѣ находились, положимъ, Марафонъ, Платея и др., что называлось Пуническими войнами и проч., требуя отъ наставниковъ, чтобы они сопровождали переводы подобными же объясненіями. Узнавъ, что учителя наказываютъ учениковъ своихъ розгами за все рѣшительно, иногда и очень жестоко, назначая до 150-ти ударовъ мальчикамъ 13—14 лѣтъ, онъ предписалъ ректору училища, чтобы не смѣли давать больше 12-ти ударовъ и то за важныя только шалости или упорную лѣность, съ разрѣшенія притомъ ректора училища.

Отрады были для насъ эти пріѣзды въ училище семинарскаго ректора уже потому, что онъ избавлялъ насъ хотя на два часа отъ тупоумныхъ занятій учителей и наказаній розгами. Кроме того ректоръ каждый разъ привозилъ съ собою по нѣскольку экземпляровъ Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ и латинскихъ книжекъ лейпцигскаго изданія, какъ-то: *Consolatio Ciceronis* и др., награждая ими хорошо отвѣчавшихъ учениковъ. Наконецъ, учителя, зная, что въ училище пріѣзжаетъ главный начальникъ, держали себя въ большемъ порядкѣ; напримѣръ, не дозволяли себѣ приходить въ классы въ нетрезвомъ видѣ, поздно и уходить раньше положеннаго времени. Для насъ-же эти пріѣзды были просто праздники....

Жизнь свою Аѳанасій всегда проводилъ такъ, что ни въ чемъ не дозволялъ себѣ излишествъ; не только крѣпкихъ напитковъ, но и винограднаго вина онъ никогда не употреблялъ. За то онъ любилъ ужасно фрукты: апельсины, персики и абрикосы. Много онъ тратился на нихъ, поѣдая самъ, а также одѣляя ими малолѣтнихъ и пѣвчихъ. Службу Божию во всѣ воскресные и праздничные дни, равно на первой и послѣдней недѣлѣ великаго поста, отправлялъ самъ, при чемъ въ церковь и изъ церкви ходилъ церемониально, въ мантіи, съ посохомъ, въ предшествіи пѣвчихъ и тѣхъ іеромонаховъ и діаконовъ, которые имѣли сослужить ему. По вступленіи въ церковь пѣвчіе пѣли: „Отъ востокъ солнца до западъ хвалыно имя Господне“, а трое малолѣтнихъ пѣвчихъ, отдѣлвшись ближе къ алтарю, продолжали: „Буди имя Господне...“. Служилъ онъ тономъ скорѣе разговорнымъ, нежели пѣвчимъ, какъ это обыкновенно принято. Послѣ литургіи говорилъ иногда про-

повѣдь, обыкновенно же она говорилаь однимъ изъ учениковъ высшаго отдѣленія. Между послѣдними было не мало весьма способныхъ къ проповѣдничеству юношей, на примѣръ Николай Андрониковъ, Никаноръ Богословскій, Иванъ Ремовъ, Одинцовъ и особенно Алексѣй Коносовъ. Костромская аристократія обыкновенно молилась за литургію, которую совершалъ отецъ Аѳанасій при двухъ хорахъ пѣвчихъ. Изъ церкви онъ шелъ также церемониально, какъ и входилъ въ нее; его провожала толпа мѣстныхъ аристократовъ и особенно аристократовъ. Разоблачившись и снявъ рясу, отецъ Аѳанасій угощалъ своихъ посѣтителей чаемъ, сластями, занималъ барынь пріятнымъ разговоромъ, иногда на нѣмецкомъ языкѣ, которымъ владѣлъ вполнѣ, показывалъ имъ микроскопъ и физическіе опыты съ электрическою машиною. Пѣвчимъ давалъ пять и даже десять рублей ассигнаціями, впрочемъ не натурою, а въ видѣ записки на имя казначея, ибо Аѳанасій былъ очень бѣденъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ очень размахистъ на расходы.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніяхъ ректора къ Костромскому обществу и обратно.

Въ началѣ казалось, что ректоръ хотѣлъ поддерживать добрыя отношенія и даже связи дружества и хлѣбосолюства со всѣми слоями Костромскаго общества, по-крайней-мѣрѣ съ подходящими къ его положенію. Но въ послѣдующіе годы, замѣтивъ сплетни костромичей, онъ дружелюбство и вообще болѣе или менѣе короткія отношенія ограничилъ только нѣкоторыми избранными лицами. Такъ онъ часто бывалъ у грузинскаго царевича, жившаго въ Костромѣ въ ссылкѣ въ тридцатыхъ годахъ; и царевичъ, даже со своей супругой, часто бывалъ у о. ректора, относясь къ нему съ глубочайшимъ почтеніемъ...

Костромскія аристократки, и старыя и молодыя, толпою ухаживали за красавцемъ о. ректоромъ, но онъ ограничивалъ свое знакомство съ ними немногими вѣжливыми, а, можетъ быть, и любезными словами послѣ обѣди, какъ мы это видѣли выше. Чтобы не предаваться празднословію съ этими барынями послѣ литургіи, въ церкви, гдѣ онъ толпою приступали къ нему, лишь только онъ показывался изъ алтаря, ректоръ пережидалъ въ алтарѣ, особенно въ дни говѣнія, до тѣхъ поръ, пока болтушки не уходили изъ церкви.

Ректоръ не былъ гордъ и любилъ знакомиться съ простымъ народомъ. Такъ мы нерѣдко видали у него за чашкою чаю одного богатаго раскольника, который привозилъ ему карасей для пруда. Разъ этого раскольника привелъ онъ даже въ классъ и заставилъ учениковъ разсуждать о перестосложеніи. Раскольникъ, выслушавъ соборное опредѣленіе 1667 года, „что Макарій и иже съ нимъ мудрствовали неправо“ о перестосложеніи, засмѣялся и, поглаживая бороду, говорилъ: „да, если-бы от. Аѳанасій былъ вмѣсто Макарія, то онъ, можетъ быть, мудрствовалъ бы право!“ За такую близость ректора къ нѣмцу и раскольнику костромскіе зелоты прозвали его чуть-ли не басурманомъ...

Я окончилъ мои воспоминанія о незабвенномъ отцѣ ректорѣ Аонасіѣ, но считаю долгомъ моимъ прибавить еще нѣсколько словъ въ защиту памяти его. Известно дѣло, что всякій дѣятель, выдающійся въ томъ или другомъ отношеніи, подвергается въ обществѣ, и особенно въ провинціальномъ, согла-дательству, подозрѣніямъ, а затѣмъ пересудамъ и сплетнямъ. Тѣмъ болѣе не могъ не испытать всего этого ректоръ Аонасіѣ, столь откровенный и искренній...

Самъ онъ, надѣленный деликатнымъ чувствомъ, былъ въ высшей мѣрѣ чести, но обладали-ли этимъ качествомъ его сотрудники по управленію семинаріей, какъ-то: инспекторъ, экономъ и секретарь? Между тѣмъ отвѣтственность за всѣхъ этихъ господъ пала на ректора. Какъ-бы то ни было, только на третьемъ году его службы въ Костромѣ былъ сдѣланъ на него доносъ въ Комиссію духовныхъ училищъ, въ которомъ онъ сначала былъ расхваленъ за свои преобразовательныя по семинаріи дѣйствія, но затѣмъ выставлено, что онъ „отдался въ руки недостойнаго инспектора, профессора Муравьева, что имъ неправильно потрачено до 20,000 рублей (ассигнаціями) казенныхъ денегъ и что онъ во многомъ нарушалъ семинарскій уставъ, на-примѣръ переводилъ учениковъ черезъ классъ“. Слава Богу, что всѣ пункты доноса, по изслѣдованію особою комиссіею, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго, оказались несправедливыми. Тогда принялись за сплетни, и въ чемъ только не обвиняли ректора костромскіе ханжи и зелоты! Одного только не могли они приписать ректору: обскурантизма, лицемѣрія и ханжества. Но неблагоприятные о немъ толки дошли до Кіева, откуда, въ 1836 году, ѣхалъ новый владыка, Владиміръ (Алявдинъ). Прибывъ въ Кострому, 8-го ноября, онъ тотчасъ пріѣхалъ въ семинарію и сказалъ, что будетъ на экзаменахъ. Хотя мы превосходно были подготовлены изъ герменевтики и основнаго богословія къ рождественскимъ экзаменамъ, но новый архіерей нашель, что „у насъ головы наполнены всякимъ вздоромъ“, и поставилъ это ректору на видъ въ присутствіи нашемъ. Больно было намъ видѣть несправедливое униженіе ректора, но черезъ недѣлю пришелъ указъ Святѣйшаго Синода, которымъ ректоръ, архимандритъ Аонасіѣ, вызывался въ Петербургъ на челу.“

СОДЕРЖАНІЕ. *Отдѣлъ оффиціальный:* 1) Опредѣленіе Св. Синода о выдачѣ свидѣтельствъ воспитанникамъ духовныхъ училищъ, не окончившимъ курсъ 3-го класса. *Отдѣлъ неоффиціальный:* 1) Собесѣдованія съ молотанами-субботниками и евангелистами и 2) Воспоминанія о Высокопреосвященномъ Аонасіѣ, покойномъ Архіеписк. Астраханскомъ и Ипотавскомъ.

Редакторъ, ректоръ Семинаріи, архимандритъ *Александръ.*

Дозволено цензурою. Астрахань. 9 апрѣля 1877 г.

Губернская Типографія